

Н. М. Карамзин

Юлия

Русская сентиментальная повесть.

М., Издательство Московского университета, 1979

Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова.

OCR Бычков М. Н.

Женщины жалуются на мужчин, мужчины -- на женщин. Кто прав? Кто виноват? Кому решить тяжбу? Если мне, то я, ничего не слушая и не разбирая, оправдаю... любезнейших, следственно,-- женщин?.. Без сомнения. Но мужчины будут недовольны моим решением, докажут мое пристрастие, объявят, что я подкуплен... милым взором какой-нибудь Лидии, приятною улыбкою какой-нибудь Арефы, перенесут дело в вышний суд, и приговор мой останется -- увы! -- без всякого действия.

Вот маленькое предисловие к следующей повести. Юлия была украшением нашей столицы; являлась -- и мужчины только на нее смотрели, только ею занимались, только ее слушали. А женщины?.. Женщины тихонько говорили между собою и с лукавою усмешкою взглядывали на Юлию, стараясь заметить в ней какой-нибудь недостаток, который хотя несколько мог бы успокоить их самолюбие. Тщетное старание! Юлия сияла, как солнце, зависть искала в ней черных пятен, не находила и с болию в глазах, с отчаянием в сердце должна была... идти прочь! Нужно ли сказывать, что все молодые люди обожали Юлию и почитали за славу обожать ее? Один вздыхал, другой плакал, третий играл ролю томного меланхолика, и обо всяком, кто задумывался, говорили: "Он влюблен в Юлию!"

Что же Юлия? Любила более всего самое себя, с гордою улыбкою смотрела направо, налево и думала: "Кто мне подобен, кто меня достоин?" Думала, прошу заметить, а не показывала. Удивляясь красоте и разуму ее, всякий удивлялся между прочим и скромности ее взоров, искусство одним милым женщинам свойственное!

Но, мало-помалу приближаясь к концу второго десятилетия жизни своей, Юлия стала чувствовать, что фимиами суетности есть дым, хотя весьма приятный, но все дым, который худо питает душу. Как ни обожай себя, как ни любуйся своими достоинствами -- не довольно! Надобно любить что-нибудь, кроме магической буквы Я,-- и Юлия начала с большим вниманием рассматривать многочисленную толпу своих искателей. Иногда взор ее отдавал преимущество молодому Легкоуму, который в рассуждении красоты мог бы поспорить с самим Купидоном и не занимался ничем, кроме Юлии и зеркала; иногда -- статному Храбру, лаврами увенчанному воину, которому недоставало только греческого платья, чтобы быть совершенным Марсом; иногда -- забавному Пустослову, который, несмотря на важность судейского звания своего, вертелся на одной ноге, как Вестрис, сочинял всякий день по десяти французских каламбуров и знал наизусть лексикон анекдотов. Все -- ненадолго; через минуту Легкоум казался ей безрассудным, самолюбивым мальчишкою, Храбрый -- видным драгуном и более ничего, Пустослов -- скучною обезьяною. Наконец, глаза ее остановились на любезном Арисе, который в самом деле был любезен; весы склонились на его сторону, и сердце с разумом на сей раз согласились.

Кто был Арис? -- Молодой человек, воспитанный в чужих краях под смотрением не наемного гофмейстера*, но благоразумного и нежного отца своего. Полезные и приятные знания украшали его душу, добродетельные правила -- сердце. Не будучи красавцем, он нравился своею миловидностью и кроткими любезными взорами, одушевленными огнем внутреннего чувства. Он краснелся, как невинная девушка, от всякого нескромного слова, сказанного в его присутствии; говорил немного, но всегда основательно и приятно; не старался блистать ни умом, ни знаниями и слушал каждого, по крайней мере, с терпением. Чувствуют ли в свете цену таких людей? Редко. Там сусальное золото* предпочитается иногда истинному, скромность, подруга достоинств, остается в тени своей, а дерзость заслуживает венки и рукоплескание.

Арис любил Юлию -- как не любить того, что прекрасно и любезно? Но бесчисленное множество ее обожателей утешало его. Он смотрел на нее издали, не вздыхал, не клал руки на сердце с томным видом -- одним словом, не думал представлять картинного любовника, но Юлия знала, что он любил ее страстно. Дивитесь, если угодно, проницанию красавиц! Скорее не приметят они солнца на ясном небе в полдень, нежели действия своих прелестей в глазах нежного мужчины, как бы ни хотел он, скрывать